

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Издательство Российского союза писателей

Витаков Алексей Иольевич

СТИХИ

*Ночь темна, как в песне той, помнишь?
И всё так же - в проводах ветер.
Над кроваткой детской в помощь
Глаз любимых глубина светит.*

Спит ворон, тень свою склевавший.
Минутам жизнь теряет счёт.
Уже идут по трапу наши.
Уже заходят в самолёт.

Уже в закрылках рвань тумана.
Уже скучают корабли,
Глаза озёр и котлованы
Огромной Мурманской земли.

Полярный мрак чернее сажи.
Фонарь сутол, как старовер.
По трапу - пятна камуфляжа,
И красный флаг СССР.

Пилот с надеждой смотрит в полночь.
В испуге пятится луна.
Уже идёт, идёт на помощь
Полузабытая страна.

Идёт из сора и бедлама,
Течёт, как собранная ртуть.
В строю - афганская панама
И - африканское тату.

Под Визбора, под «Чёрный ворон»
Блестит упрямая слеза.
И снова - под пилоткой чёрной
Стальные чёрные глаза.

Она идёт, идёт, как чудо,
Сосредоточенно бурля.
И возвращается оттуда,
Где начинается земля.

☆☆☆

Стриж угодил в переплёт -
Ударился и упал.
Лежит на земле и ждёт,
Кто бы его поднял.

Стриж не умеет с земли
Взлетать, ему бы отвес.
Вокруг него ковыли.
За ковылями - лес.

То ли черёмухи вздох,
Похожий на плач вдовы.
Иль просто бездомный Бог -
В сонных глазах листвы.

То ли разрушила сад
Напасть. «Эй, кто здесь живой?»
Иль просто с войны солдат
Мёртвый пришёл домой.

Кто же поднимет стрижа,
Чьи руки? Да тот ли век!
По воздуху валит ржа
Плясок и ипотек.

Смотрит беспомощно сад,
Тяжёлый от птичьих мук.
Чьи руки? Домой солдат
Мёртвый пришёл, без рук.

Маётся чертополох
Сквозь дыры прогнивших крыш.
Хлопочет бездомный Бог,
Смотрит на Бога стрижа.

Ветер ослеп и оглох,
Ковыль заплетая в крест.
И страшно бездомен Бог,
Страшно бессилён лес.

Чертополох серых крыш,
По воздуху валит ржа.
Но помнит солдата стрижа.
Помнит солдат стрижа.

Ветер всё рвётся из жил.
Калитки унылый стук.
Солдата не пережил
Старый пернатый друг.

Стриж - как же трудно дышать.
Солдату - уже легко.
Им вместе теперь лежать.
И летать высоко.

Я был остывшею золой
без мысли, облика и речи...
Семён Липкин

Звучал Шопен, работала «оса».
Из лесополки прилетела мина.
Когда навек умолкли голоса,
Дым продолжал играть на пианино.

Летели клочья наперегонки.
Столбами прах носился по аллее.
Был чёрен дым, лишь две его руки,
Угадывая клавиши, белели.

Пехота шла. Кипел адреналин.
Срывались крыши, складывались стены.
Пылала Марьянка. Серёга Бородин
Стоял и слушал музыку Шопена.

Ноктюрн весенний до диез мажор.
- Как звать вас?
- Марь Иванна Балакова, -
И улыбнулась.
- Только уговор,
Не помогать. Сама. Жива-здорова.

Арта ревела, сердце леденя.
Летели ноты вслед за облаками.
И выносил Серёга из огня
Дым невесомый с белыми руками.

Трясло «буханку», тихо пил медбрат
Из мятой фляги, загибая пальцы.
И бормотал контуженный солдат:
- Меня убили. Как домой добраться?

Глядела ночь глазницами витрин.
Срывались крыши. Складывались стены.
И бормотал Серёга Бородин:
- Я Дым. Включите музыку Шопена.

Как слышите? Как слышите? Я Дым!

Меня убили. Я лечу куда-то.

- Уже включаю. -

В списке был седьмым
«Вальс номер семь»
на плейлисте медбрата.

Пылала Марьинка. Работал ЗРК,

Перекрывая ругань пулемёта.

Отстреленные крылья. Облака.

В сухое небо улетали ноты.

Трясло «буханку». В ночь чихал мотор.

Шла сквозь огонь разбитая дорога.

Звучал Шопен, вальс до диез минор.

И смерть не поспевала за Серёгой.

По госпиталю шлялись сквозняки.

Хрипел Серёга, свет не узнавая:

- Опять они, две белые руки.

Две женские, по воздуху летают.

Его колола чем-то медсестра.

И приносила в склянке витамины.

А он кричал:

- За Родину! Ура!

Оставьте в коридоре пианино!

Соображал консилиум врачей,

А он кричал:

- Посторонитесь, братцы.

Там с нотами альбом был. Он ничей?

Меня убили. Как домой добраться?

Неделя шла, другая, день за днём.

А он всё из бинтов кричал вселенной:

- Я Дым, я Дым, как слышите, приём!

Меня убили. Где найти Шопена?

Но как-то раз, в один из майских дней,

Войдя, и по-особенному быстро,

Сказала медсестра:

- Сергей, Сергей,

Вставайте, к нам приехали артисты!

Счастливая улыбка на лице.
Вошла и упорхнула, словно ветер.
Его везла тележка на концерт.
А он бубнил:
- Мне холодно от смерти.

И кто-то танцевал, а кто-то пел.
А он, качаясь на скрипучем стуле,
Шептал:
- Меня убили. Где Шопен?
Я Дым. Я Дым. Все ангелы уснули.

Вдруг разбудили клавиши весну,
В рой мотыльков соединились звуки.
Серёга сквозь глухую пелену
Увидел - руки, руки, эти руки!

Как молния ударила во мрак,
Вдруг вспыхнул свет
негаданно-нежданно.

Он закричал:
- Я здесь! - и сделал шаг. -
Я вспомнил... Балакова...
Марь Иванна...

Я здесь! - пошёл, пошёл, засеменял,
Шатаюсь, наступая неуклюже.
И кто-то в зале тихо обронил:
- Вы уж простите, он у нас контужен.

Звучал Шопен, вальс до диез минор.
В рой мотыльков соединялись звуки.
И белый голубь залетел в окно.
А он всё шёл и видел - только руки.

Вдаль уходил за окнами простор.
И небосклон за окнами проснулся.
Звучал Шопен, вальс до диез минор.
А он всё шёл. И вышел. И вернулся.

Придёт Серёга по весне.
Возьмёт квартиру в новостройке.
Он будет жить за барной стойкой.
И всё! Ни слова о войне.

Он будет жить один, как перст,
Похожий на весло Харона.
Пить не за звёзды на погонах.
Не за Георгиевский крест.

Не за тепло и свет весны.
И не за хату в новостройке.
Он будет повторять у стойки,
Кулак сжимая: «Пацаны».

Один он будет тихо жить.
Смотреть в стакан и слушать ветер
И деньги незнакомым детям
Во все концы переводить.

Махнёт и скажет вдруг: «Салям».
И чтоб не причинить урону,
Он незнакомым матерям
Начнёт звонить по телефону.

Он будет долго, длинно жить,
Прищуривать глаза больные.
Перебирая позывные,
Хрипеть бармену: «Повторить».

Он побредёт глухим двором
И будет, никому не нужный,
Обруган кем-нибудь в метро
За то, что в Марьинке контужен.

Он будет с Богом говорить,
Хрипеть в небесные зароды:
«Не убивай, мне надо жить!
Мне надо детям переводы!..»

Он будет полный бред нести.
Шататься. Путать с былью небыль.
И вдруг услышит голос с неба:
«Куда, скажи, перевести?»

Дым поплывёт в седой дали.
Знакомый бар. Подвал. Ступеньки.
Пусть дети думают, что деньги
Отцы с войны перевели.

Весной, в грачином галдеже,
Вернётся. И весну полюбит.
И в новостройке хату купит
На самом верхнем этаже.

☆☆☆

В Рай попадут солдаты и дети.
Ворон низко уходит в полёт.
Кто будет брать интервью у смерти?
Военкорам - два шага вперёд.

Ветер разлуки - на то Божья воля.
Запевала сквозь горечь зачнёт...
Кто будет брать интервью у боли?
Военлитам, два шага вперёд.

Вышли танкисты, вышли связисты.
Поклонилась им в ноги трава.
Вышли шахтёры, вышли таксисты,
Повара, засучив рукава.

Вышел казак - покачнулся крестик
Под рубахой. Священник встал в строй.
Только один остался на месте -
Был он маленький с медной трубой.

Словно из прошлого телеграмма,
Из другой, из забытой войны.
Чей ты? Давай по-взрослому, прямо:
Трубачи нам сейчас не нужны.

Он, от обиды внутри сгорая,
Всё ж крепился, стоял, хоть стреляй!
– Дядя, а можно просто сыграю?
– Хорошо. Бог с тобою. Сыграй.

Бредит земля. Небеса оглохли.
Род людской проклиняет судьбу.
Кто ты такой? Из какой эпохи,
Над воронкой поднявший трубу?

К меди её солнце в страхе жалось.
Пыль дороги сходила с ума.
Просто играть - вот всё, что осталось.
И воронки бездонная тьма.

Мы уходили в гибельный ветер.
Где под выстрелы ставили лбы.
В Рай попадут солдаты и дети,
А ещё звук помятой трубы.

Что мы пели с тобой,
 что мы пили с тобой до войны?
Онемела изба,
 по углам растерялись пожитки.
Тени тощих берёз,
 как стихи идиота, нежны.
В перекрестье эпох -
 ты с солдатским мешком у калитки.

Словно мусор на свалке,
 рассыпаны звёзды в пруду.
Словно сука с цепи,
 то и дело срывается ветер.
Ты глядишь в никуда.
 Ночь старухой застыла в саду.
И боятся смотреть из окна
 повзрослевшие дети.

В темноте ускользает,
 теряется серая нить.
Дышит пылью дорожной
 ночная, холодная пустошь.
Понимаю, как нужно теперь
 обязательно жить.
И сегодня. И завтра.
 Весь век. И всегда.
 Потому что...

Прилетело. Влупило жáру.
На войне всяк прилёт с характером.
В небо выкурил чёрт сигару.
Напиши ей забытым дактилем.

Напиши ей и так закончи:
«Звёзды здесь -
вы таких не встретите...
Катя, звёзды меня прикончат,
Если вы ко мне не приедете!

Здесь сады, Катя, в ранней рани
Так цветут! А над ними прямою -
Ветка тоненькая „герани“
И - „пионы“ ваши любимые.

Вы же знаете, Катя, ночью
Ваше фото может - белиссимо! -
Вызывать эффект тамагочи...
Не простая, скажу, зависимость!»

Расскажи о морском рассвете.
И о брендах: какие в лидерах.
Напиши ей. Она ответит.
Хоть ни разу тебя не видела.

Опиши, как умеешь, лето.
Между явью и сном - что-то среднее.
Для неё важно знать, что это
Сообщение не последнее.

Этот снег, словно минный взрыв,
Рвёт, сечёт поперёк и в стороны.
В снег такой идут на прорыв,
Греют крылья над раной вороны.

В снег такой идут убивать.
Смерть со степью играет вдолгую.
В снег такой лишь русская мать,
Словно столб, стоит над дорогою.

Как свеча - над добром и злом.
Над деревней стоит, над городом.
Словно - трещина, как - излом,
Как рубец - не чувствуя холода.

С чёрным небом вровень стоит.
Чёрным воздухом силы скованы.
И летит этот снег, летит
Сквозь неё - в темноту и в стороны.

И течёт сквозь неё беда,
Воет ветер, на части режущий.
И горит сквозь неё звезда,
Не ища другого убежища.

- Подними мне веко, -
 промолвит люк, -
На асфальте снег,
 так похожий на грыжу.
Смерть щедра на сюрпризы,
 поверь, мой друг.
Я увижу её. Я её увижу.

Подними мне веко, ищи слезу.
Бесполезно во тьме
 искать воскресенья.
Скоро, скоро, я чую, в моём глазу
Будет прятаться ртуть
 и искать спасенья.

Посылайте, слышишь, друг друга на...
Это всё наживное, послать - не жалко.
Если Третья всё же случится война,
То Четвёртая точно будет на палках.

Смерть щедра на сюрпризы,
 поверь, мой друг.
Страшно, если все вместе
 лежат поротно.
Подними мне веко. Я просто люк.
Я хочу их запомнить, ещё не мёртвых.

Когда-нибудь пройдёт безумье века.
И для детей, забывших слово «мир»,
Не только вата отразится в реках,
А молоко, сгущёнка и зефир.

Придёт на место воина строитель.
Придут тетрадки и карандаши.
Какой урок?.. И у доски учитель:
- Запоминаем правило: жи-ши...

Вернётся жизнь и свет,
 тот самый - белый.
И не исчезнут ямочки со щёк.
- Теперь слова. К доске идёт...
 Кто смелый?
Прощай, прощу, прощение, прощён.

Спи-засыпай и набирайся силы.
Большие волки рыщут по степи.
Когда проснёшься,
 будет всё как было...
Ложись у стенки. Баю-баю, спи.

Сколько ветром звёзд намело.
Посмотри и потанцуй, не вопрос.
Ночью море словно «мерло»,
И проносится над ним «чёрный дрозд».
Пьёт со мной за шатким столом,
На большой кулак щеку натянув,
Старый снайпер с добрым лицом,
Хоть и пенсии всего с гулькин клюв.
Самолёт попал в лунный свет.
Я спросил: «Старик,
грустишь по кому?»
Гул - и я не слышу ответ.
Шевеленье губ в табачном дыму.
«Это ж надо, столько ребят... -
говорю ему, - на этой войне...»
Гул - и я не слышу себя.
Только губы отразились в вине.
Говорим. Луна над плечом,
Как прожектор. В ночь несётся «Сухой».
Мы о чём-то спорим ещё,
Разделённые под гул глухотой.

Шестилетний мальчик кричит:
«Папа лётчик! Это папа там мой!»
Палец в небо - ярче свечи.
Ярче солнца под оглохшей луной.
Где-то там, у самых начал:
У крыльца - одна ступенька всего.
«Папа лётчик!» - и я кричал
Криком. И почти не помнил его.
Сколько звёзд ещё наметёт?
С той поры уже полвека прошло.
«Лётчик папа мой!»
Самолёт.
Как от ветра, покачнулось крыло.

Скажи-ка, дядя... Друг мусью...
Гул пушек. Торжество лакеев.
Бросают русские Изюм
И оставляют Балаклею.
За шагом шаг. Видна вдали
Граница. Пыль, колёса, грузы.
Дорога. Взрыв - столбом земли
Навис над осенью Кутузов.
...Мы долго, молча... До поры.
Серёга снайпер, он же Зяма.
...Привет вам, суки, от Пахры
И от московского «Динамо».
Он мент - Серёга Бородин,
Хоть бывший. Бывших не бывает.
Ушли колонны, он один
В листву изюмскую вырастает.
Догонит, если повезёт...
И берцы сам свои износит.
Он целит осени в живот
И сам становится - как осень.

В дыму не видно ничего.
Кутузов встал над пепелищем,
И глаз единственный его
Бородина Серёгу ищет.
Как эта осень не права!
Он их прикроет. Пыль дороги.
И пьёт изюмская листва
Из перебитых ног Серёги.

Жильё - слой гари, дыры и побелка.
Картину ночь рисует на стене,
Где тень солдата дремлет над тарелкой,
Стараясь меньше думать о войне.

Свистит окно к беде и к непогоде.
Луна... И словно длится от крыльца
Тень дочери солдатской. И проводит
Рука её по волосам отца.

Осенний сад. Плоды роняет слива.
Деревьям снятся золотые сны.
Солдат и дочь. Мгновение до взрыва -
Набросок в исполнении войны.

В глазницы окон заползают реки
Тягучей тьмы. Далёкий свет огней.
Солдат и дочь. Их больше нет вовеки -
Лишь графика оставшихся теней.

Возвратился Саня с фронта, не весел.
Что он понял там? Что кровь не водица.
Сел на лавку, «ногу» снял и повесил
На кривую яблоню - просушиться.

Наливал стакан - за Родину в сердце,
За весенний луч, на детство похожий,
За потерянную ногу в Донецке.
За невесту, хоть и бывшую, тоже.

За любимую команду - за «Вымпел»,
За отца, за мать, за первое слово.
И от всей души за Байдена выпил.
Помянул его не очень живого.

За погибших пацанов неумелых.
Сам с собою говорил и храбрился.
А протез скрипел на яблоне белой,
Словно ангел одноногий спустился.

Ты жила у него на сетчатке глаз
И на внутренней стороне запястья,
На огромной груди, на плече - анфас,
Словно гимн любви и простого счастья.

А когда уходил он на фронт, во тьму,
Из последних сил синева светила.
«Возвращайся скорей»,
- ты сказала ему.
Помнил он, как ландыши ты любила.

Он вернулся спустя много, много лет.
Ваши дети стали землёй и хлебом.
Да и ты уж давно, обратившись в свет,
Пришиваешь к рекам дождями небо.

Поднимали его по частям наверх:
Руки, ноги, череп пробитый, гильза.
Над раскопом кружился и таял стерх,
Отражаясь точкой в озёрных линзах.

И стоял над карельским лесом густой,
Золотой закат - не закат, а пламя.
Он вернулся. И ландыши, как из той,
Из забытой жизни, легли на камень.

Земля, где ветер, высунув язык,
Из озера вселенную лакает.
Где свой ворона потеряла крик
И этот крик над пожнями летает.
Где летом ночь по темноте грустит,
За ветром филин повторяет фразы.
Где я и первобытный мой инстинкт
Приводит мысли к простоте рассказа.
Здесь шли бои, и в беглых новостях
Не то звучало, что в солдатских письмах.
И лес глухой стоит здесь на костях,
Как церковь без иконы и без смысла.
Забытый дом, берёзка на крыльце.
Карелия - в своём скупом наряде,
Как женщина без счастья на лице,
Но с твёрдым всепрощением во взгляде.
Закаты, как безумные, горят.
Торгует лещ брусникой на перроне.
И жители задолго говорят,
Кого где отпоют и похоронят.

В пыли дорожной места нет словам.
Куда поехать, коль стоишь у края?
Здесь ангел пьёт со мной по вечерам.
И чёрт за алкоголь меня ругает.

Меня откопали в карельском лесу.
Пришли, подтянулись на смену.
Я вышел из рая, держа на весу
Берёз корневую систему.
Я был и пропал на той страшной войне.
И вновь вижу буйные краски.
Я вышел из рая с осколком в спине,
Без ног и в простреленной каске.
Под рёбра мне ветер холодный проник.
Вспорхнула над черепом птаха.
Сжал пальцы мои юный поисковик.
И сам растерялся от страха.
А синее небо висело у крон.
Мальчишка смотрел виновато.
Отдал я ему свой солдатский жетон,
Расчёску и ствол автомата.
Гудел самолёт, пролетая вдали.
Клонилась от ветра гвоздика.
И свечка горела у самой земли.
И только - в разрывах брусника.

*Памяти русского лётчика
Романа Филиппова*

Ни берёзки, ни рябины,
Под крылом - да не тайга,
А чужие палестины
И барханы, как снега.
Здесь чужие гуглят вести.
Здесь двугорбый пароход.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.

А в России у рябины
Ломит корни от воды.
Не нужны ей палестины
И всяческие сады.
Даже бейт не интересен.
Под глазами едкий пот.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.

Рядом спит полковник Мишка,
В боевых иконах грудь:
«Всё. Приехали, братишка.
Балалайку не забудь».
Я к гитаре. Мнится Пресня -
Каблучок ломает лёд.
Если воздух вдруг исчезнет,
То наш лайнер упадёт.

Упадёт. Погибнут звёзды,
И не будет палестин.
Всё чужое. Только воздух -
Он по-прежнему един.
Подтяни струну. У песни
Нет врагов. Тоска не в счёт.
Да и воздух не исчезнет -
В небе русский самолёт.

Ни берёзки, ни рябины,
Под крылом - да не тайга.
А чужие палестины
И барханы, как снега.
Мирно спят Воронеж, Липецк,
Кострома и Уренгой.
В небесах пилот Филиппов
Провожает нас домой.

А давай в городки? Я - пас!
Не играю в такое к ночи.
Что ты, Бог, так глядишь на нас?
Ну гляди, если очень хочешь.
Городки - Хмеймим и Дамаск.
Ну, давай же, давай, не морщись.
Что ты, Бог, так глядишь на нас?
А вот с нами сыграть не хочешь?
Я вообще хреновый игрок.
Ни фигур не вижу, ни линий.
С кем ты там говоришь, сынок?
Бог - на химиотерапии.
Мы уйдём из этой игры
Кто домой, кто опять в солдаты,
А кто на халат медсестры
Кисловатым пятном граната.
Что так сильно стучит в мозги?
Всё в порядке с мозгами, просто
Разбиваются городки
Не по чину и не по росту.

Целься лучше. Тик-таки-тик...
Да, сынок, я тебе не пара.
Милуй, Бог - деревянный лик
Разлетается от удара.

Запах гари. Воздух ломкий.
Покосившийся блиндаж.
Бегло рыщет по зелёнке
Звук, одетый в камуфляж.

Этот звук летит без цели,
Ужасает города,
Он на крышах, на качелях,
На земле, на проводах,

Он и в ведро, и в ненастье,
Он подчас со всех сторон,
Глубоко сидит в запястье
И влетает в детский сон.

То длиннее, то короче -
От крыльца и до крыльца.
А ещё приходит ночью
В капюшоне, без лица.

Он качается, как дембель.
Ждёт, когда наступит день,
И отбрасывает к вербе
Тьмою собственную тень.

Он стоит над сном и ветром,
Не поймёт - как ни согни,
Почему на вербных ветках
Не кончаются огни.

Гнал на выпас карельские реки закат.
Багровела в разрывах брусника.
Заблудился в лесу поисковый отряд -
Не иначе как ворон накликал.
Не иначе как леший во тьме нашептал
Или зло подшутила природа.
Скрежетал проржавевший металл
о металл
В специальных мешках для находок.
Грелся август
над чёрной болотной водой.
Мох был шатким и скользким, как плаха.
И пуховой своей иван-чай бородой
Лез в глаза, неживые от страха.
Криво скалился месяц в деревьях,
как тать.
Чуял волк приближенье охоты.
И слышалось им:
«Ну, едрить вашу мать!»
И взлетела сова над болотом.

Шли они за совой по воде, по земле,
От берёзы к берёзе сквозь чащу.
И трещали, как выстрелы,
сучья во мгле.
Гикал ветер дурной и пропащий.
В тьме кромешной вернулся
усталый отряд.
Долго длились счастливые слёзы.
И они говорили: «Нас вывел солдат,
Костыли у него из берёзы».
И смеялись над ними: «Хорош ерундой
Заниматься, особенно к ночи!»
Но скрипели берёзы над чёрной водой.
Но сверкали совиные очи.

Сухой песок и лирники слепые.
Белы насквозь, как воздух мукомольни.
- Чего ты ищешь, - спросят, -
Русский Киев?

Давно, как был. И мы уже не помним.

Сам знаешь, что судьба во власти Бога.
Давно как потерялся Русский Киев.
И за руку ведут нас по дорогам
Давно уже поводыри другие.

И наши тени стали нашим ложем.
И век к нам повернул свои огузки.
Теперь язык до Киева не сможет
Помочь добраться, потому что - русский.

Пернаты небеса над головою.
А в нашей жизни - ни цепей, ни воли.
Так и бредём, прикинувшись травой.
И тенью укрываемся от боли.

Так и бредём усталые по миру,
Суму свою убогую таская.
И прорастаем страшные сквозь лиру
Травой,
поводырей не отпуская.

Усмехается во тьме город.
Чуть колеблются огней сети.
И прикладывает свой холод
К голове твоей чужой ветер.

Ты выходишь в никуда. Полночь.
Пусть застава тишиной встретит.
Там на Родине тебе в помощь
Путь опавшего листа светит.

Путь опавшего листа,
Путь снежинки весёлой,
Тихий свет от креста
Чудотворца Николы.

Спит, свернувшись в рожок
Твоего автомата,
Пёс по кличке Дружок -
Баловень медотряда.

Месяц, глянь - улыбка факира.
Как в той песне - тусклые звёзды.
Между Богом и людским миром
Передёрнутый в стволе воздух.

Ночь темна, как в песне той, помнишь?
И всё так же - в проводах ветер.
Над кроваткой детской в помощь
Глаз любимых глубина светит.

Мы с дедом в сарае, шахматы,
«слон е5».

Под крышей на сене.

- Цыц, непоседа!

Того полюби, кто хочет тебя предать.
И хочет, и ждёт, но ещё не предал.

Толстеет паук, но разумом не растёт.
Не всякая древность умнее галок.
Хоть ешь конём,
а сорняк всё равно придёт.

Кто жарок в гордыне, тот в деле жалок.

Не пешка свинья. Корова, брат, из ферзей.
Костюм - не костюм,
коль потрачен молью.

Чем в детстве больней,
тем в старости веселей.
Не верь тем, кто соль посыпает солью.

Что проку, когда король по доске идёт,
А в доме шиш - от трубы до порога.
Кто мается много, тот длиннее живёт,
Но в жизни такой ни любви, ни Бога.

Земля на худой спине муравья сидит,
Пока Бог её не поднял на вилы.
Полезно, «а2», когда ум огнём горит
И телу даёт муравьиной силы!

Усвоил аль нет? Где агнец,
там рядом волк.
«С8». Ребят сосчитает Ирод...
И дед вдруг осёкся, взгляд отвёл и умолк.
Зияли сквозь ткань наградные дыры.

Не моль проела пиджак -
от медалей след.
Полынь-звезда. Вечер. Охапки сена.
На фоне прорех сарая светился дед,
Как формула вечности и Вселенной.

Иоганн Себастьян Бах, немецкий композитор, первый начал использовать большой палец во время игры на органе.

Снова ночь органная убрана белым
Яблоневым цветом и веткой сирени.
Поправляя галстук рукой неумелой,
Старый призрак кирпичи присел
на ступени.

Замирает часто. Моргает по-детски.
Он в годах серьёзных,
но всё же при деле.
Органист-астматик Изосим Дворецкий
Ничего немецкого, чу, не приемлет.

На его макушке - горластая птаха.
Над его походкою тешатся дети.
Он играет так, как играли до Баха,
Позабыв про три с половиной столетия.

Сдерживая кашель
и вздрогнуть не смея,
Он играет, молвить не смея и слова.
Так, как это делали добрые феи,
Чуть касаясь клавиш -
без пальца большого.

Время оно три с половиной столетия.
Медленно играет Дворецкий Изосим.
А большие пальцы ему в сорок третьем
Офицер немецкий сломал на допросе.

Нет давно во взгляде
ни боли, ни страха.
Не было тринадцати ему
в сорок третьем.
Он играет так, как играли до Баха,
Позабыв про три с половиной столетия.

Я помню это. Видел не во сне.
«Артек». И солнце в необъятной сини.
И дети обнимаются в окне:
Грузин, татарин, русский, украинец.
Футбол. Трава, песок. Потом рассказ
О «матче смерти». Капли дождевые.
О, как болел я, Господи, не раз
Срывая горло, за «Динамо» (Киев).
А вечерами - звёзды, море в пляс.
Мы грезили: а вот бы да гостинец,
Четыре деда - вот бы да сейчас:
Грузин, татарин, русский, украинец.
Вновь ветер, перемешанный с песком.
Футбол - футболкой пузырятся крылья.
Вновь бьёмся,
 словно в том - сорок втором.
Тогда был «Старт»,
 а мы - «Динамо» (Киев).

И точно знаем: в складках вышины
Четыре деда - в повтореньях сини -
Навеки не пришедшие с войны:
Резо, Амир, Владимир и Василий.
Не вспоминай. Не помни о былом.
О «матче смерти» - там теперь другие.
Отписывайтесь. Мы переживём.
Вот только вправду жаль
 «Динамо» (Киев).

Хан славит набег и богатый улов:
Посуда, меха и попоны.
Скота только несколько тысяч голов,
Клинки и несчётно полона.

Средь пленников знахарь,
худой, как комар.
Идёт, еле ноги волочит.
Хан шапку ему дал - а ну как товар,
Собака, издохнуть захочет.

Но вышло иначе: хозяин степей
Сам слёг от неведомой хвори.
Лечили его и калмык, и еврей,
И лекарь из древнего Гори.

Но бездна всё ближе клонилась к нему.
А ворон всё истовой каркал.
Тогда кто-то вспомнил,
попятысь во тьму,
О знахаре в ханском подарке.

«Сумеешь? - спросил хан. -
Коль вылечишь плоть,
Проси чего хочешь, зелейник».
И знахарь ответил: «Уж коли Господь
Сподобит, чего ж не сумею».

И вот на излёте четвёртого дня,
Лишь ворон за тучами скрылся,
Хан сел на подушках и вымолвил: «Я
Живой, как опять народился».

Выходит на свет, полон счастья,
здоров.

Прощенья у воинов просит.
И благодарит за спасенье богов.
И знахарю чашу подносит.

«Что хочешь проси: саблю, злата, коня.
Пойду на любые расходы».
Но знахарь сказал: «Отпусти ты меня.
За шапку я долг отработал».

Хан вздрогнул: «Отныне
ты будешь со мной.
Служи и не требуй свободы».
Но знахарь своё:
«Нет. Мне надо домой.
За шапку я долг отработал».

Хан выцедил: «О недостойнейший век!
О неблагодарные люди!
Не слыхана дерзость твоя, человек.
Ну что ж, пусть по-твоему будет.

Нукеры, с зелейником сделайте так,
Чтоб звёздам глядеть было больно.
Да будет он вольным
среди жалких собак
И жалкой собакой среди вольных.

Разрежьте ступни и под кожу ему
Набейте кабаньей щетины,
Из листьев осенних пошейте суму
И посох вручите из глины.

И пусть убирается - жить по вине,
В смертельной обиде и в худе.
Сам выбрал такое, и, думаю, мне
Тревожить он память не будет.

Ходи-ковыляй, куда хочешь ступай.
А ступишь - и некуда деться.
Ходи-ковыляй и всегда вспоминай
Великое ханское сердце».

В Орду приезжают князья и купцы,
Легаты из города Рима,
Прелаты, владыки, святые отцы,
Ушкуйники и пилигримы.

Хан любит монетой в горсти поиграть.
Послушать касыды и бейты.
За партией в шахматы день скоротать
Под пенье египетской флейты.

Лишь ночью, когда злая темень свистит
И войлоком бьёт в изголовье,
Кому-то кричит хан: «Прошу, отпусти.
Возьми, как положено, - кровью».

Луна режет чёрную степь пополам -
На спящее и не живое.
И страшно кричит он:
 «Сколь хочешь отдам!
Оставь только, слышишь, в покое».

Кричит: «Не хочу ни богатств, ни любви!
Вот нож. А вот ханское слово».
И снова ступни разрезает свои.
И снова! И снова! И снова!

☆☆☆

Длинногрудый, душнокрылый
Ворон выманил луну.
Год прошёл, как проводила
Поля мужа на войну.

«Где мой муж, поведай, ворон?
Если мёртвый, где погост?»
Каркнул ворон: «Далеко он.
До него три тыщи вёрст».

«Как найти, поведай, ворон?
Я все земли исхожу».
Каркнул ворон: «Далеко он.
Ну а больше не скажу».

Собрала котомку Поля
И вокруг двора пошла.
Бог на небе. Ветер в поле.
Печь - остывшая зола.

Дни идёт, идёт недели.
Круг за кругом вдоль плетня.
В круге мазанка белеет.
Притаился чёрт у пня.

А она шаги считает.
Ей пройти три тыщи вёрст.
Хата Полю забывает,
Хоть и смотрит на неё.

Ворон выпускает коготь.
Шепчет Поля на ветру:
«Ничего. Ещё немного.
Сдюжу, индо не помру».

Шла, но счёта не теряла.
Сколь кругов прошла, Бог весть.
Вдруг как вкопанная встала
И услышала: «Я здесь».

Грянул гром, качнулось поле.
Вихрь проснулся в ковылях.
Голосом супруга Поле
Молвила сама земля.

«Здравствуй, муж мой. Ты мне снился.
Как мне быть теперь одной?»
И на миг остановился
Перед бездной шар земной.

Ярмарка - лотки, ряды.
Меряй, пробуй - не хочу!
Масло, лак для бороды,
Платья, буублики. Но, чу!
Расступается народ.
Замолкает. Посмотри!
Скоморох босой идёт,
Святочным снежком скрипит.
«Слышишь, эй, во рту горох,
Ты куды, Емеля?»
Отвечает скоморох:
«Все дороги в землю.
То, что вижу, говорю.
Говорю, что знаю.
Стадо коз через ноздрю
Разом пропускаю.
Не гляди с открытым ртом,
Что хожу залатанный.
Я сморкаюся зато
На подолы знатные».

«Ох, Емеля, смелый ты!
Кнут милее хлеба.
Скидывай, давай, порты -
Пустим пыль до неба!»
На спине от батогов
Проступили сливы,
Но Емеля-скоморох
Парень незлобивый.
Сколько знал он синяков,
Что июль колосьев.
Всё равно дразнить попов
Ни за что не бросит.

Вдруг колокол грянул.
Рванулся звонарь.
Мороз пробежался по коже.
Полнеба завесила дымная хмарь.
Поднялся огонь над сторожей.
Монголы! Пять тысяч!
Вмиг вылетел хмель.
Стал воздух стеклянным от гула.
Блестит золотая хатангу дегель
На темнике широкоскулом.

Пять тысяч шоломов. Опятиконь.
Девятихвостая слава.
Вот темник смолистую вскинул ладонь,
И встала послушная лава.
«Эй, в городе, гостю ворот открывай.
Не видишь, замучился кони.
Для дани сто юнош, сто девок давай,
Воз белок. И мой вас не тронет!»
Посадник: «Что делать?
Заплатим - уйдёт!
Не будет ни смерти, ни смрада.
Бояре, что скажете?» - «Мы как народ!
А людям пожаров не надо!»
Сжал тысяцкий бороду.
Взгляд - на живот.
Полсотни дружины всего-то.
Да рати полтыщи. «И я как народ.
Лить кровь никому неохота!»

Тут в сенях переполох...
Разве так бывало,
Чтобы первым скоморох
Вышел на забрало?

Крикнул: «Хари - срам один.
Знать, с навозной каши.
Щас Емеля, сукин сын,
Представленьё спляшет!»
Потянул ведёрный ковш.
Льёт смолу на плечи.
Кинул к солнцу медный грош.
Поглядел далече.
На три счёта став седым,
Черкнул кресалом.
И пред взорами орды
Пламя заплясало.

Как бились - никто после
вспомнить не мог.
За локоть, за пядь и за камень.
Ни с чем
на степной возвратилось восток
Хвосты растерявшее знамя.
Два века потом у монгольских костров
Жил сказ, как в заснеженном крае
Выходит на стену седой скоморох
И солнце ковшом выпивает.

Пух тополей, пролог до полнолуния.
Над сединой клубится седина.
Читаю на ночь. Голова июня
Во рту квадратном моего окна.

Кондовый мрак, туман рисует лица.
Треск пулемётный сучьев. Тень совы.
Как сбитый лётчик, покачнулась птица
На стропах веток в глубине листвы.

Такое каждый год: вороны свастик -
Кружится стая от звезды к звезде.
Все карты у заката красной масти -
Колода разлетелась по воде.

Шеренги камыша, болотный кашель.
Кукушка сосчитает - сколько жить.
И спирт росы, как перед рукопашной,
Разлит по-царски - некуда ступить.

А пух летит, на землю оседая.
Сбивается в беззвучную волну.
Нет выбора, когда в ночи седая
Природа репетирует войну.

На курган занесло серым ветром меня,
Засверкала широкая Волга.
И сквозь толщи земли
 был мне голос коня,
И сказал он: «Я ждал тебя долго.
Помнишь, как пировал ты
 с дружиной в траве?
Как тогда ты напился кромешно?
И как туча пришла из Великих степей?»
Я ответил: «Не помню, конечно».

«Вспомни, как побурела
 под берегом вода,
Но тебе было этого мало.
А ещё вспомни жуткие блики, когда
Нас навеки с тобою не стало.
Как тогда я в закатную рябь уходил,
Отсекая земную погоню?
И тебя выносил
 с чёрной раной в груди?»
Я ответил: «Ты знаешь, не помню!»

«А потом в тишине у степного огня
Пела женщина, глядя на Волгу.
Неужели, мой друг,
 ты не вспомнишь коня?
Я ведь ждал, ты поверь, очень долго.
А когда хоронили нас, помнишь, она
Бледный лоб твой накрыла ладонью?
Как была моя ревность,
 ты помнишь, черна?»
Я ответил: «Ну хватит. Не помню».

Конь умолк. Было слышно дыхание его.
Мне мерещился шум древней сечи.
«Я не помню, мой друг,
 ты прости, ничего».

И поникли кургановы плечи.
Где-то близко совсем, у степного огня,
Пела женщина самозабвенно.
И был сон боевому коню про меня
И про женщину тоже, наверно.

Снег лежит исполином седым.
Изогнулся закат коромыслом.
На морозе пронзителен дым,
Отрешенный от мыслей и смыслов.

Дым ползёт на Восток, словно волк,
Из России к далёкой пустыне,
Как в боях источившийся полк
В неживой, источившейся сини.

Помнишь, тьма застаёт нас врасплох.
Говорит малолетний прохожий:
– Я узнал от отца, что наш Бог
Болен раком и нам не поможет.

– Эй, гунам*, что ещё говорил
Твой отец? – Он взглянул на дорогу:
– Что ещё? Что у Бога нет сил.
Даже русские нам не помогут.

* Гунам - пастух (араб.).

– Что ещё? –
И от взрыва оглох.
– Что? Не слышу! –
«Сухой» закрутило.
– Дирижирует звёздами Бог
И людьми. Только дымом не в силах.

Эхо взрыва неслось по горам.
К проводам ветер жался, стеная.
– Вы вернётесь?
– Вернёмся, гунам.
Прав отец, дым преграды не знает.

Уже пронзительно, как встарь,
Скрипят на холод половицы.
Уже шевелится декабрь
Осколком под ребром столицы.
Уже тяжёлый небосвод
Лёг на фонарную желтуху.
И Бог, как ракушку, берёт
Москву и прижимает к уху.
- Жива никак?
 - Пока жива.
- Так может сухарей насышим?
В тебе осколок!
 - Я - Москва!
- Что делаешь?
 - Курю под душем.
Висит набухший небосвод.
Бог говорит, склоняясь над картой:
- Она нас всех переживёт,
Как бедного Буонапарта.

Из тьмы выхватывает черновик
Глаза. Потусторонний свет бликует.
Змеится в степь раздвоенный язык,
Трещит огнём и сам с собой воет.
Ты - крик окаменелый, ты - оглох.
Ты - тень строки, чинарик на затылку.
Ты замер весь, как замирает Бог,
Почувствовав на голени растяжку.

Ты - крик, ловец мгновений тишины.
Ты видишь брешь в летящей мимо стае.
И слышишь сквозь бессонницу войны,
Как смерть тебя по-русски отпевает.
Ты - крик немой, ты - пепел, ты - зола.
Ты - тень обугленной многоэтажки.
Ты знаешь, чтобы Пасха вновь пришла,
Бог должен подорваться на растяжке.

Шестьдесят ему. И беда как беда.
И война как война. А Господь дал силы.
И супруга настолько не молода,
Что с ума не сойдёт у его могилы.

Шестьдесят - что тут скажешь? -
неполных лет.

Нецензурный рассказчик,
кондовый прапор.

Сын не видел его и в свои пять лет
Даже снеговика называть мог папой.

Переломы открытые ног и рук.
Тридцать пять ранений - оружие бреши.

И, кишки прижигая ему, хирург

Говорил:

- Сталинград. Ну, никак не меньше.

Тяжело ему в госпитальной тиши,
Неуклюже как-то и косовато.
Уходя, на цыпочки встав, от души
Поцелует в затылок окно палаты.

Ни следа не останется. А потом
Бесконечным морозом взойдут пустоты.
Он воюет за свой - за омский - детдом,
За повидло, за мультики по субботам,

За секрет, что рассказан был молоку,
За тесёмки, завязанные крест-накрест,
За училку по русскому языку
И за этот любимый её анапест.

Госпитальная вечность. Глухая стена.
Снегири будут ждать от бойцов посылок.
Он уйдёт, и в которой раз блик окна
Через снег поцелует его в затылок.

Сколько стекла у февральского спрута!
Вечер луной наползает на снег.
Скулы, как тундра, у Коли якута:
Вьюге - раздолье, зиме - оберег.

Бор. Санаторий. Охранник маячит.
Чисто в столовой. У Коли кредит.
Ночью он рвётся в атаку и плачет.
Утром от болей фантомных хрипит.

Скажет: «Февраль - это злая собака.
Слышишь, скрежещет металл
о металл?»

И, засмеявшись, добавит: «Однако,
Будет любовь по-якутски - таптал».

Только зима. Ни дороги, ни кровя.
«Нет, - отвечаю, -
февраль - это спрут!»

Днём - процедуры, а за полночь снова
Рвётся в атаку безногий якут.

Стылый февраль.

Тьма навывлет продута.
Бор. И луна на худом волоске.
В скулах обветренных Коли якута
Русского больше, чем в целой Москве.

Сосны на выданье. Вьюга уснула.
Сколько стекла одному февралю!
Бор. Ну а я всё смотрю в эти скулы
И, как ребёнок, всю землю люблю!

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Витаков Алексей Иольевич

СТИХИ